

УРАЛЬСКІЙ КАЗАКЪ.

Пришло жаркое, знойное лѣто, которое длится въ полуденныхъ степяхъ нашихъ ровно четыре мѣсяца: Май, Іюнь, Іюль и Августъ — пришло и налегло душнымъ маревомъ на Уральскую степь, что бы поверстаться за суровую пяти—мѣсячную зиму. Уральское войско, вытянутое станицами своими лентой по теченію рѣки Урала, верстъ на 800, ожило послѣ кратковременного отдыха; по городкамъ, форпостамъ и крѣпостямъ стали бѣгать и суетиться, словно земля подъ народомъ накалилась и не даетъ никому ни стать ни сѣсть. Вскорѣ все войско стянулось по выше Бударинскаго; тысячи три служилаго народа — а тысячи шесть было уже на службѣ, три по линіи, да три на внѣшней — тысячи три, не считая работниковъ, столпились на голой, бесплодной степи, на сухомъ морѣ, привезли на подводахъ

каждый бударку^(*) свою, ярыги или сѣти, привезли по работнику Киргизкому въ мохнатомъ лисьемъ малахаѣ — видно пугать лѣто, — стали на первомъ плавенномъ рубежѣ и ждать пушки.^(**) А гдѣ же Проклятовъ, лысый Гурьевскій казакъ, который вѣкъ на службѣ, а отъ уряду бѣгаеть, потому что бѣденъ, а семья у него большая? Тутъ онъ, глядите, стоитъ, въ толпѣ подъ яромъ, безъ шапки, лысина отъ бровей до затылка, прикусиль губу, уставилъ зоркіе глаза на рыболовнаго Атамана, который одинъ однимъ разъѣзжаетъ, ровно князь какой по рѣкѣ; на него уставилъ глаза Проклятовъ, какъ лягавый на кустъ, подъ которымъ сидить куропатка; въ правой рукѣ держитъ коротенькое весло, лѣвою ухватился за тонко выструганный и окованный носъ бударки, ждетъ по знаку атаманскому пушки, что бы секунды одной не прозѣвать, столкнуть членокъ на воду, выкинуть ярыгу

(*) Долбленый членокъ, тонко и красиво обдѣланный, легкій и ходкій. Онъ употребляется на всѣхъ лѣтнихъ рѣчныхъ рыболовствахъ.

(**) До пушки, которая палить по условному знаку рыболовнаго Атамана, ни кто не смѣеть ступить на ледъ или спустить бударку на воду: всѣ кидаются вдругъ и въ запуски по вѣстовой пушкѣ.

и вытащить осетра. Съ Проклятова поть льеть градомъ только въ ожиданіи будущихъ благъ; а что же будетъ какъ пойдетъ работа?

Вѣкъ на службѣ Проклятовъ, рѣдкой годъ дома, а отъ Урядничьяго чина три раза отмаливался; хочетъ быть рядовымъ казакомъ. Урядникъ идетъ, куда пошлють, по очереди, наемки не береть ни гроша, а казакъ возьметъ съ міру по чемъ придется, да и самъ сыть и обуть и домашніе тожъ: потому-то онъ отъ уряду бѣгаетъ, а отъ звѣря, какъ онъ называетъ рыбу, не бѣгаетъ, лишь бы она отъ него не ушла. Не любить онъ только этихъ водяныхъ сверчковъ, что у насъ раками зовутся: онъ ихъ поганыхъ и въ руки не возметъ, ни за что.

Проклятовъ Гурьевскій казакъ стариннаго закалу: ростомъ не великъ, плотень, широкъ въ плечахъ, навертываетъ и въ 30 град. морозу на ноги, для легкости, по одной портянкѣ, надѣваетъ въ зимніе степные походы кожаные либо холщевые шаравары на гашникѣ и если буранъ очень

рѣзокъ, то сидя верхомъ прикрываетъ ляшку съ навѣтренной стороны полою полушибка. Морозу онъ не боится, потому что морозъ крѣпить; да и оводъ и муха и комаръ не обижаютъ у него коня; жару не боится потому, что паръ костей не ломить; воды, сырости, дождя не боится потому, какъ говорить, что съ измала въ мокрой работѣ, по рыбному промыслу, что Ураль золотое дно серебряна покрышка, кормить и одѣваетъ его, стало быть на воду сердиться грѣхъ; это даръ Божій, тотъ же хлѣбъ. Проклятовъ до того любить воду — коли нѣть вина — что на морскомъ рыболовствѣ и на морской службѣ по Каспійскому морю, пьеть безъ всякихъ околичностей воду морскую и отвѣчаетъ вамъ на вопросъ: хороша ли? горонить маленько! Борода ему дороже головы, въ этомъ отношеніи Проклятовъ сущій Турокъ; но отправляя сына на внѣшнюю службу, въ Москву, онъ выбриль ему бороду, приказавъ отпустить ее, когда воротится домой, и утѣшивъ и себя и сына въ этомъ несчастіи тѣмъ, что—де родительницы

замолять грѣхъ. Дома Проклятовъ не пѣвалъ оть рода пѣсни, не сказывалъ сказки, не пѣлъ, не плясалъ, не скоморошничалъ, никогда; о трубкѣ и говорить не чего, онъ дома ненавидѣлъ ее пуще водяного сверчка, да и не бывало ее таки въ заводѣ, ни у кого въ цѣломъ войскѣ. Сказывали, что есть чиновники войсковые, которые, въ похвальбу передъ стороннимъ начальствомъ, носили тайкомъ оть своихъ въ рукавѣ табакерочку; да это можетъ статья и напраслина, какъ ее много бываетъ на свѣтѣ. На походѣ — Проклятовъ первый пѣсенникъ, хоть и гнусить не много, на старинный церковный ладъ — первый плясунъ, и балалайка явится на третъемъ переходѣ, словно изъ земли выростетъ — и явится трубка и табакъ; а родительницы дома на досугѣ отмаливаютъ и замаливаютъ. Родительницами называется онъ не только старуху мать свою, но и тетку и сестру и хозяйку и дочь: весь женскій полъ. Онѣ всѣ знаютъ церковной грамотѣ, служать сами по старопечатнымъ книгамъ, хозяйничаютъ изъ покупнаго

добра — потому что своего, кромъ рыбы и скота, нѣть ничего, ниже хлѣба — ткуть шелковые пояски, шыютъ сарафаны на себя, съ отборной девятой пуговицей — а рубахи съ шелковыми рукавами; вяжутъ по немногу чулки — другой работы у нихъ нѣть. Главное занятіе ихъ: воспитывать ребята въ постоянныхъ правилахъ и обычаяхъ домашняго изувѣрства, которое, какъ мы видѣли, соблюдаясь съ неприкосновенною святостію на дому, нарушается безъ всякаго стѣсненія на службѣ и вообще внѣ войсковыхъ предѣловъ. Описывая какую погоду любить и не любить стариkъ Проклятовъ, мы забыли упомянуть собственно о буранѣ, о зимней мятели, отъ которой ежегодно гибнетъ множество людей и скота. Ее Проклятовъ не жалуетъ; это крутить сатана, бунтуетъ противъ святой власти, и отъ этого буранъ погода изъ ряdu вонъ и не годится ни куда. Тутъ и скотина одурѣеть, говорить Проклятовъ, не токма что человѣкъ.

Пришла Осень — старикъ опять идеть съ цѣлымъ войскомъ, ровно на войну, на рыболовство. На тѣсной и быстрой рѣкѣ столпятся оть рубежа до рубежа тысячи бударокъ — тутъ булавкѣ упасть не гдѣ, не только сѣти выкинуть; а Проклятовъ, какъ и всѣ другіе, плаваетъ связками, попарно, вытаскиваетъ рыбу, чекушить ее и сваливаетъ въ бударку; саратовскіе и московскіе промышленники слѣдятъ берегомъ пловучую толпу рыбаковъ и держать деньги на готовѣ; къ вечеру раздѣлка. Тутъ кажется всѣ другъ друга передушать, передавять, и вечера не доживутъ: крикъ, шумъ, брань, стукъ, толкотня на водѣ, какъ въ самой жаркой рукопашной свалкѣ: давять и душать другъ друга, бударки трещать, казаки стоя въ нихъ и управляя ими раскачиваются въ обѣ стороны, чуть носомъ воды не достаютъ — вотъ всѣ потонуть, всѣ другъ друга замнутъ и затопятъ — ничего не бывало; всѣ разойдутся, живы—здоровы, что бы завтреший день начать со слѣдующаго рубежа, опять по пушкѣ, туже продѣлку: и

такъ вплоть до Гурьева, до взморья, или по крайней—мѣрѣ до низовыхъ станицъ. Проклятовъ гребеть, рвется, изъ шкуры лѣзеть, летить въ запуски, гребеть сильно коротенькимъ весельцомъ своимъ, имъ же править, имъ же расчищаетъ себѣ дорогу въ этомъ не проходимомъ лѣсу бударокъ, расталкиваетъ ихъ вправо и влѣво, не заботясь о томъ, куда которая летить — и ярыгу вытаскиваетъ и рыбу чекушить — и его толкаютъ въ задъ и въ бокъ и въ передъ — нужды нѣтъ, онъ только кричитъ и бранится и зная уже, что никто его не слышитъ и не слушаетъ, потому что всякий занять своимъ, онъ и самъ продолжаетъ свое, облегчая только стѣсненное положеніе свое бранью, на—вѣй—вѣтеръ. Впрочемъ, никогда не употребляетъ онъ коренныхъ русскихъ ругательствъ: и это также можно дѣлать только въ командахъ и въ походахъ: дома грѣшно.

Пришла зима — Ураль замерзъ, снѣжное море покрыло необозримую степь, голодные и холодные Киргизы сидяль

смирно и спокойно на зимовкахъ: не до того имъ, чтобы прорываться по ночамъ тутъ или тамъ и угонять стада и табуны — все замерзло; а Проклятовъ опять снаряжается на рыболовство, на багренье. Опять онъ тутъ, подъ самымъ Уральскомъ, гдѣ въ сборѣ цѣлое войско, опять мечется по пушкѣ какъ угорѣлый, зря, очертя голову, съ яру на ледъ, на людей, топчеть, давить, не щадя ни себя, ни другихъ — просыкаетъ навареною сталью пешней въ три маха двѣнадцати—вершковый ледъ, опускаетъ шести—саженный багоръ, коего другой конецъ, перегибаясь чрезъ плечо, волочится по льду — поддѣваетъ рыбу, подхватываетъ ее подбагренникомъ — кричить какъ будто кто его рѣжетъ: Ой братцы помогите, — коли сила не береть управиться одному съ бѣлугой, кричить не умолчно, хоть и знаетъ что ему ни кто не пособить, какъ и самъ онъ никому не подастъ помощи за недосугомъ — а кричить; вытаскиваетъ ее наконецъ кой—какъ самъ на ледъ, упарившись зимой въ одной рубахѣ до мокраго поту — и

окунувшись раза три по шею въ воду, выбирается съ добычей своей на сухой берегъ. Окунулся онъ потому, что тысячи рыболововъ, кинувшихся на ледъ, на одну зазнамо хорошую ятовъ^(*) искрошили въ четверть часа весь ледъ подъ собою, вытаскивая на всѣхъ точкахъ рыбу и вскрыли всю рѣку. Проклятовъ выгородилъ себѣ кой какъ небольшой комокъ льду, отстояль его, удержался на немъ, сложивъ тутъ же три—четыре рыбки, рублей на сто или побольше, и упираясь багромъ, который гнется какъ веревка, и захвативъ пешню свою ногами, а подбагренникъ въ зубы, переправился на этомъ паромѣ благополучно, сдалъ тутъ же товаръ и взяль деньги. Льдина переворачивалась подъ нимъ раза три, да Проклятовъ на нее и не глядѣлъ: онъ только берегъ рыбу свою, привязавъ ее къ ногѣ обрывкомъ или поясомъ, да держаль снарядъ.

Пришла весна — ледъ тронулся, рѣка вздулась, разлилась; утки, гуси, казарки

^(*) Ятовъ — омуть, въ которой ложится красная рыба на зимовку. Она ложится тѣсно, въ нѣсколько ярусовъ, и спить: шумъ и стукъ ее въ то время не пугаетъ и ее просто ощупываютъ баграми и вытаскиваютъ.

потянулись огромными вереницами вслѣдъ за журавлями на Сѣверъ — и Проклятовъ опять уже ладить бударку, снаряжаетъ плавенныя сѣти и тянется безъ-малаго 400 верстъ, сухимъ путемъ вверхъ по рѣкѣ, чтобы послѣ воротиться внизъ, домой, водою. Спросите у него, когда онъ, прищуривъ лѣвый глазъ, ровно прицѣливается, слѣдить низкую стаю лебедей, неужто-де-птица летить своимъ разумомъ въ указанный ей перелетъ? И онъ вамъ не-призадумавшись отвѣтить: «У звѣря не разумъ, *a побудка*; и птица въ перелетъ идетъ побудкой.» И такъ побужденіе природы, которое мы, не зная по-Русски, взяли изъ словаря иностранного и назвали инстинктомъ, слово, впрочемъ очень пріятное — Маркель Проклятовъ, не зная ни по-Французки, ни по-Нѣмецки, называетъ *побудкой*. Ему это простительно.

Проѣздомъ Проклятовъ у каждого форпоста распрашиваетъ обстоятельно стариковъ, т. е. смотрителей за водами и лѣсами, о томъ, «благополучно ли рыба съ осени, ложилась, гдѣ и какъ взкатывалась и

каковъ надежень заловъ?» Гдѣ дорога подходитъ къ береговому яру, тамъ Проклятовъ обличивается туда, куда его тянетъ носомъ на воду, жадно глядить на Ураль и, по временамъ, какъ будто прислушивается и облизывается. Если вамъ случалось видѣть неистовыхъ голубятниковъ, псовыхъ и ружейныхъ охотниковъ, которые выходять изъ себя, если при нихъ только помянуть слово объ охотѣ, то можете вообразить себѣ и Проклятова. Сѣрые глаза его загораются каждый разъ, когда дѣло коснется рыбы и рыболовства; брови двигаются, играютъ, высокій лобъ сіяеть, губы подбираются. У Проклятова не дрогнула бы рука приколоть всякаго, не говоря о киргизахъ на лѣвомъ берегу, приколоть на мѣстѣ, во время ходу рыбы, всякаго, кто осмѣлился—бы напоить скотъ изъ Урала; «Рыба тотъ же звѣрь,» говорить старики съ ожесточеніемъ, «шуму и людей боится; уйдетъ, а тамъ ищи ее.» Впрочемъ, казакъ нашъ сражался на своеи вѣку не съ однимъ этимъ звѣремъ, съ красной рыбой; онъ, не говоря о

походахъ туда—сюда и о всегдашней войнѣ съ кайсаками, уходилъ не малое число кабановъ, когда молодъ былъ, въ Гурьевскихъ камышахъ, а когда ихъ тамъ уже не стало, то на Прорвѣ и на устьѣ Эмбы. Кабанъ подсѣкъ даже подъ нимъ однажды коня. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ произшествій въ жизни Проклятова было съ нимъ по поводу охоты за кабанами, а именно: встрѣча глазъ—на—глазъ съ шутовкою или Русалкою. Маркіанъ, вопреки закону, отправился однажды наканунѣ какого—то праздника, въ свѣтлую лунную ночь, на ночевье и отъѣхавъ, къ устью, черезъ Золотницкій проранъ, на бударкѣ своей, верстъ 15 отъ Гурьева, залегъ въ мертвой глуши и тиши близъ проломанной кабаномъ тропы. Вскорѣ послышался отдаленный шелестъ, потомъ камышъ затрешалъ, ломится звѣрь, подумалъ Проклятовъ и взвель курокъ винтовки. Но звѣрь не показывается, а трескъ камыша, приближаясь постепенно со всѣхъ сторонъ, вдругъ до того усилился, что у Маркіана на головѣ волосъ поднялся

дыбомъ; не видать ничего, а камышъ трещить, валится и ломится кругомъ, будто огромный табунъ мчится по немъ на пролеть. Проклятовъ привсталъ, отступилъ нѣсколько шаговъ къ убѣжищу своему, къ бударкѣ, а на возвышенномъ бугрѣ стоять передъ нимъ шутовка, нагая, съ разпущенными волосами; «сколько припомню», говорить стариkъ «она была моложава и одной рукой какъ будто манила къ себѣ.» Створивъ крестъ и молитву, Маркіанъ сталъ отступать отъ нея задомъ, добрался до бударки, присѣль на колъна, и, ухвативъ весло, ударился, сколько силь было, домой.

Проклятова знали всѣ, какъ человѣка добродушнаго, который, не смотря на бѣдность свою, помогаль многимъ, кто бываль въ нуждѣ или еще бѣднѣе его. Онъ жалѣль убить старого пса, который жиль у него годовъ десять и подъ старость сдѣлался калѣкой, «пусть живеть нахлѣбникомъ,» говориваль стариkъ, «не обидить нась, не обѣсть.» Но когда ему случилось сходить въ зимній степной

поискъ, на Бузачи, то онъ, отбивши тамъ пару навьюченныхъ верблюдовъ и замѣтивъ, что во выюкахъ что–то жалобно пищало, не призадумавшись выкинуль двухъ голыхъ ребятишекъ на снѣгъ, и спокойно, безъ оглядки, отправился своимъ путемъ. «Ничего, Ваше Благородіе,» отвѣчалъ онъ послѣ офицеру, который хотѣлъ было, для порядку, побраниТЬ его, «ничего, уснули. Мамокъ что–ли съ собою возить для этихъ щенятъ,» про себя сказалъ онъ расмѣявшись, «еще у меня и свои–то можетъ статься сидѣть дома не ъвши; нынѣ хлѣбъ рубль семь гравенъ пудъ.»

Въ походѣ не брали Проклятова ни зной, ни стужа, ни холодъ, ни голодъ. «Обтерпѣлся,» говориваль онъ, «да съ–измаленьку привыкъ; только лошади жаль, коли безъ корму стоять, а человѣку ничего не станется.» Изъ всего оружія казачьяго, Проклятovъ менѣе всего жаловалъ саблю, называя ее *темлякомъ*, который–де болtaется безъ пользы. Винтовка на рожкахъ, изъ которой стрѣляль онъ лежа,

растянувшись ничкомъ на землѣ, и пика, которою работаль — прихватывая по временамъ, гдѣ можно, гривки — воть вся его надежда. Въ открытую конную атаку онъ не хаживалъ; «не случилось,» говорить, «да нашему брату ломовая атака и несподручна;» крикомъ и гикомъ браль, врасплохъ браль, и съ тылу, и въ засадѣ; а подмѣтивъ гдѣ жидко, гдѣ проскочить и прорваться можно, не жалѣя коня, гналь и биль непріятеля до—нельзя и не щадиль никого. «Коли бѣжить непріятель» говоривалъ Проклятовъ, «такъ развѣ въ землю отъ тебя уйдетъ, а то покидать его нельзя; гони со свѣту долой, покуда бѣжить, да не оглянется и не увидить, что ты за нимъ одинъ. И бей тоже, покуда бѣжить: опомнится да станетъ, такъ того гляди упрется и вся работа твоя пропала.» Старикъ любиль винтовку свою на рожкахъ и привыкъ къ ней; стрѣляль съ молоду гусей, лебедей, утокъ, сайгаковъ, корсуковъ, кабановъ — все пулькой; но форменнымъ карабиномъ онъ очень обижался, на это у него были свои понятія

и разсужденія. Лошадь выѣзжалъ онъ всякую въ двѣ, три недѣли, не заботясь о томъ, бѣть ли она только задомъ, или съ козла; подпругъ и катаура никогда тugo не подтягивалъ, а считалъ плеть — нагайку лучшимъ самоучителемъ, безъ которой наука ни одному неучу не дается. Подпрукаетъ, подойдетъ, погладить, ухватить за уши, дастъ подержать сыну либо племяннику, накинеть сѣдло, сядетъ — а тамъ дѣло уже по неволѣ пойдетъ своимъ чередомъ; сколько бы ни носила лошадь, сколько бы ни била, когда-нибудь да уходится и присмирѣть. Въ упряжку выѣздить иную, особенно киргизскую, по мудренѣе, да и то ничего. Сперва бокомъ, за одинъ гужъ, вертись и вези какъ знаешь; а тамъ какъ обойдется маленько, въ постромки, да въ оглобли. Плеть первая наука.

Не только на конѣ и на прѣсной водѣ, но и на морѣ Проклятовъ быль какъ у себя дома. Съ-измаленьку привыкъ, дѣло домашнее. Онъ хаживалъ и на косныхъ и на посудахъ, кусовыхъ и разшивахъ, не только

изъ Гурьева въ Астрахань, но и къ Колпинскому кряжу и дальше. По близости въ своихъ водахъ, бывалъ Проклятовъ на морскомъ Курхайскомъ рыболовствѣ, въ одной артели съ другими, потому что одному собраться тяжело, а на Тюкъ-карагань, Мангишлакъ и въ Кайдакъ хаживаль по службѣ. Въ старые годы пускался онъ, бывало, и въ открытое море на бударкѣ своей, на крошечномъ долбленомъ челночкѣ, за лебедями, промышляль перьями и шкурками; и пухомъ; нынѣ промыслъ этотъ, какъ слишкомъ опасный, давно уже запрещенъ. Проклятовъ зналъ не хуже штурмана на зуйдъ-весь и нордъ-ость, фокъ, гротъ, брамъ-топъ, какъ тамъ у нихъ называютъ топсель, зналъ шкотъ и галсъ и фаль, хоть и называлъ обыкновенно послѣдній *подъемною снастью*. Проклятовъ былъ, самъ того не подозрѣвая, отчаянный морякъ; лавировалъ и боролся мастерски съ бурей и волнами, какъ съ своимъ братомъ; и это дѣлалъ онъ также отъ того, какъ объяснялся, что «привыкъ такъ съ

молодыхъ лѣть, что море у нихъ дѣло сосѣднєе, подъ рукой.» Бывалъ онъ и въ относѣ на аханномъ рыболовствѣ^(*) и таскало его на льдинѣ по морю недѣли по двѣ; а между тѣмъ льдина все крошилась да крошилась, отъ волнъ и бури, и Проклятовъ видѣлъ день—за—днемъ и часъ—за—часомъ мокрую и холодную смерть подъ собою. Но Господь миловалъ, казака приносило опять моряной къ берегу. Тогда казакъ нашъ, бывало, тужить только о томъ, что снасти пропали и собраться бѣдняку опять ни съ чѣмъ. Впрочемъ, если—бы и не вынесло его на льдинѣ, такъ казаку и на саняхъ ину пору изъ моря выѣхать удается, да не по льду, котораго уже нѣть, потому что его взломало бурей, разбило и разнесло; а таки просто на саняхъ по водѣ, по волнамъ: такъ по—крайней—мѣрѣ поправился недавно, на нашей памяти, товарищъ Проклятова, казакъ Дервяновъ, котораго таскало нѣсколько недѣль въ относѣ. Когда лошадь,

^(*) На аханное рыболовство выѣзжаютъ на саняхъ, по льду морскому. При морянѣ ледъ взламываеть и спираетъ; казаки говорятъ тогда: *шиханы ставитъ*. Если сдѣлается послѣ этого верховой вѣтеръ, то рыбаковъ уносить на огромныхъ пловучихъ льдинахъ въ открытое море. Это называется *быть въ относѣ*.

въ крайнемъ положеніи этомъ, была уже съѣдена, то Дервяновъ, какъ человѣкъ догадливый и запасливый, снявши съ нея шкуру, бурдюкомъ или дудкой, т. е. цѣликомъ, завязалъ ее на взрѣзахъ, подвель подъ сани, надулъ, привязалъ, и изъ оглобель сдѣлалъ весла, изъ кафана парусъ, не знаю гротъ-ли, фокъ-ли, или брамъ-топъ, и добился на корабль этомъ благополучно до встрѣчной рыбопромышленной посуды, вышедшей изъ Астрахани.

Наловилъ Проклятовъ много красной рыбы на вѣку своеемъ; много икры надѣлалъ и много отправилъ этого товару, продавъ на мѣстѣ торговцамъ, въ Москву и въ Питеръ; была рыба его и за Царской трапезой, когда случалось ему попадать на Царское багренье, съ котораго отправляютъ, по древнему обычаю, ежегодно на почтовыхъ тройкахъ *Царскій кусъ* или такъ называемый *презентъ*; но самъ Проклятовъ по цѣлымъ годамъ и не отвѣдывалъ ни осетра, ни бѣлути, ни шипа, ни севрюги; товаръ этотъ дорогъ, «не по рылу,» какъ

выражался стариkъ. Онъ обѣдался красной рыбы только въ лѣто, послѣ Бузачинскаго походу, когда быль въ Гурьевской морской сотнѣ за приказнаго, и ходилъ съ Есауломъ стеречь войсковыя воды, чтобы Астраханцы не обижали; тогда было у нихъ рыбы вдоволь, и хоть продавать ее не продавали, потому что за это строго взыскивается, а сами ъли вволю. Дома варила хозяйка Проклятова по временамъ, когда ловъ разрѣшался, черную рыбу, а не то барановъ рѣзали, ъли каймакъ,^(*) а какъ посты всѣ соблюдались во всей строгости, такъ и приходилось въ году мѣсяцовъ шесть хлѣбать постную кашицу да пустыя щи. На походъ снабжала хозяйка своего казака кокурками,^(*) сколько можно было подвязать ихъ въ торока.

Проклятовъ, какъ человѣкъ бывалый и обтертый, хоть и не рѣшился бы ъсть изъ одной посуды съ Киргизомъ или Калмыкомъ «съ собачей вѣрой,» но нашего

^(*) Каймакъ, упаренное до густоты молоко, со сливками и густыми пѣнками.

^(*) Кокурка, пшеничный хлѣбецъ, въ которомъ запечено яйцо. Оно держится такимъ образомъ очень долго.

брата не совсѣмъ чуждался, а признавалъ человѣкомъ, таки развѣ мало чѣмъ хуже себя. По этому онъ готовъ быль ъсть съ нами изъ одной чашки, пить изъ одного ковша и небрезгалъ бы этимъ не только на походѣ гдѣ все разрѣшается, но даже и дома; но хозяйка его была на этотъ счетъ другихъ мыслей и старинныхъ правилъ: за хлѣбъ соль она ни съ кого и ни за—что не взяла бы платы, потому что это смертный грѣхъ; но посуды своей она «скобленному рылу» не подала бы также ни за—что, а полагала, что собаку, собачью вѣру Татарина и нашего брата бритоусца, можно кормить изъ одной общей посуды. Стариkъ въ этомъ не смѣль больно съ нею спорить, а то бы она ему самому, какъ поганому, поставила щецъ на особицу, въ черепкѣ, какъ дѣлывала каждый разъ, какъ мужъ приходилъ изъ походу, покуда не принялъ еще отъ своихъ очистительную молитву. Разъ какъ—то Проклятовъ, поставилъ для дорогаго гостя, котораго никакъ не хотѣль обидѣть, самоваръ и подалъ чайникъ и чашки; хозяйки въ ту пору не случилось

дома, за–то послѣ онъ на–силу кой–какъ успокоилъ старуху, и ухаживалъ за нею, и упрашивалъ долго ее. Но и тутъ она, не бравши, какъ сказаль я, ни за–что на свѣтѣ платы за хлѣбъ–соль, вытребовала съ проѣзжаго безъ всякихъ обиняковъ гриненникъ на очистительную для посуды молитву; не взяла его однакоже сама, чтобы не сочли этого платой, а просила отправить чашки и гриненникъ съ построннимъ человѣкомъ къ старой дѣвкѣ, которая завѣдывала этимъ дѣломъ, и очистила опоганенную посуду. Хлопотъ за этимъ было много: этого нельзя было сдѣлать дома, а носили посуду на рѣку, сполоснули ее, и прочли молитву.

Сыновья Проклятова были ребята нынѣшняго складу: высокіе, стройные и крѣпкіе какъ отецъ. Молодой народъ на Уралѣ чуть–ли не рослѣе старого, и, что Богъ дастъ впередъ, не изводится, а крѣпокъ и дюжъ. Какъ растуть они, такъ росъ въ свое время и отецъ, такъросли въ свое время дѣды и прадѣды ихъ; отмѣны нѣть никакой. Проклятовъ съ десяти годовъ

пасъ табуны, ъздиль съ отцомъ на рыболовство и, выставивъ на саняхъ или телегѣ значокъ, какую нибудь тряпицу, шапку, либо сапогъ, ъхалъ берегомъ въ тысячной толпѣ саней и лошадей, провожаль управлявшагося на водѣ отца и зпвалъ, т. е. кричаль, впродолженіи цѣлыхъ сутокъ во всю глотку. Безъ этого рыбакъ въ суматохѣ толпы не нашелъ бы вечеромъ, приставъ къ стану, повозки своей, а потому каждый съ воды и съ берегу даютъ другъ другу голосъ, зпваютъ, и ровняются. Тутъ наостришь поневолѣ и глаза и ухо. По этому Проклятовъ и видѣль сѣрыми глазами своими ясно и чисто тамъ, гдѣ нашъ братъ не видаль ничего кромѣ неба и земли; а гдѣ Проклятовъ поглядѣвши скажеть бывало: «чуть мельтешить что–то» тамъ безъ хорошей подзорной трубы и не думай разгадать задачу. Онъ привыкъ и на морѣ вѣрно мѣрять разстояніе закроюми^(*) и завѣсивъ черни, т. е. скрыввшись отъ берегу, не видаль его потому только, что берегъ

^(*) Закрой — разстояніе, на которомъ судно на морѣ скрывается подъ кругозоромъ. Это верстъ 12.

быль уже подъ кругозоромъ и его нельзя было увидѣть ни въ какую трубу и стекла.

Грамматъ Проклятовъ не выучился, за недосугомъ: вѣкъ на службѣ и въ работѣ. Ему грамматы и не нужна; это дѣло родительницъ, которыя должны замаливать вольные и невольные грѣхи мужей, отцовъ, сыновей и братьевъ. Родительницы сидять себѣ дома, имъ дѣлать нечего какъ сохранять и соблюдать всѣ обычаи исконные и заботиться, по своимъ понятіямъ, о благѣ духовномъ. Пусть же отмаливаютъ за казаковъ, на которыхъ лежать заботы о благѣ насущномъ, промыслы и служба.

Скотъ ходить у казаковъ Уральскихъ на подножномъ корму зиму и лѣто, круглый годъ, пастухи и табунщики ходятъ за нимъ въ видро и въ ненастье, въ мятель, дождь, зной и стужу. Пастухъ и табунщикъ выгоняютъ скотъ свой на Уралъ не съ рожкомъ и со свирѣлкой, какъ въ другихъ мѣстахъ, а съ винтовкой за плечомъ, съ копьемъ въ рукахъ и всегда верхомъ. Тамъ изъ станицы въ станицу рѣдко кто поѣдетъ

безъ оружія, и казакъ-ямщикъ садится къ вамъ на козлы съ ружьемъ и въ подсумкѣ, съ боевыми патронами. И такъ не мудрено, что Проклятовъ привыкъ къ винтовкѣ съизмала, съ двѣнадцати годовъ; въ опасномъ мѣстѣ всегда, не говоря ни слова и не дожидаясь приказанія, вынетъ—бывало тряпицу изъ подъ курка, осмотрить полку, прикроеть ее огнивомъ и поставить курокъ на первый взводъ. Подъѣзжая къ станицѣ, онъ бережно опять закладываетъ полку мячикомъ или клочкомъ овчинки, спускаеть на нее курокъ въ упоръ, а потомъ еще попробуетъ, несыплется—ль порохъ съ полки, подбирая съ руки бережно каждое зернышко.

Случалось Проклятову и голодать по цѣлымъ суткамъ, и къ этому привыкъ онъ съ—молоду. Лѣтомъ сносиль онъ голодъ молча, зимой покрякивалъ и повертывался; лѣтомъ жевалъ отъ жажды свинцовую пульку или жеребеекъ, это холодить; зимой закусывалъ снѣжкомъ. Солодковый корень, челимъ,^(*) лебеда, яйца мартышекъ, даже

^(*)Водяные орѣхи, которые вытаскиваются со дна озеръ рогожами.

земляной хлѣбъ^(**) и разныя другія съѣдомыя снадобья пропитывали его въ бѣдѣ по нѣскольку сутокъ сряду. Тамъ приходила опять пора, и Проклятовъ отъѣдался за прошедшее и за будущее. И добро и худо, и нужда и довольство живуть голмянами, какъ выражался казакъ нашъ, т. е. порою, временемъ, полосою. Но конины и верблюжины Проклятовъ не сталъ бы ъсть ни за–что, скорѣе, говорить, издохну, а такого грѣха на душу не возьму.

Проклятовъ ходилъ подъ гладкой, круглой стрижкой, какъ всѣ старовѣры наши, то есть не подъ Русской, не въ скобку, а стригся просто, довольно гладко и ровно, кругомъ. Отправляясь съ полками на виѣшнюю службу, стригся онъ по–казачьи или подъ айдаръ. На Уралѣ ходилъ онъ постоянно въ Хивинскомъ стеганомъ полосатомъ халатѣ и подпоясывался Киргизской калтой, кожаннымъ ремнемъ съ карманомъ и съ ножемъ; по праздникамъ щеголяль въ черной

(**) Замѣчательный лишай Усть–Урта. Онъ растетъ катаясь свободно по землѣ, по камню, безъ всякой связи съ почвой. Въ немъ есть нѣкоторое сходство, судя по питательнымъ качествамъ, съ Ислянскимъ мохомъ и въ голодные годы его єдятъ. Вкусъ дурной, иловатый.

бархатной курткѣ или *крутикъ*, какъ онъ ее называлъ, можетъ быть, правильнѣе нашего. Зимой на немъ была высокая черная смушковая шапка, лѣтомъ синяя фуражка съ голубымъ околышемъ и съ козырькомъ. Сверхъ рубахи онъ всегда опоясывался плетенымъ узинькимъ поясомъ — обстоятельство въ глазахъ его большой важности, потому что въ рубахѣ безъ опояски ходять одни татары. И ребятишекъ маленькихъ хозяйка Проклятова тщательно всегда подпоясывала и била ихъ больно, если который изъ нихъ распоясывался или терялъ поясокъ: по опояскѣ этой и на томъ свѣтѣ отличаютъ ребята отъ не крещеныхъ татарчать и когда, въ прогулкѣ по вертоградамъ небеснымъ, разрѣшается имъ собирать виноградные грозды, то у нихъ есть куда ихъ складывать, за пазуху; татарчатамъ же напротивъ, винограду собирать не куда.

Проклятovъ дома, на Уралѣ, никогда не божился, а говорилъ «ей, ей» и «ни ни;» никогда не говорилъ: спасибо, а «спаси тя Христосъ;» входя въ избу, останавливался

на порогъ и говориль: «Господи Іисусе Христе сыне Божій, помилуй нась!» и выжидалъ отвѣтнаго: аминь. Въ часовню ходилъ онъ не иначе какъ въ халатѣ на роспашку и съ пояскомъ поверхъ рубахи. Но, принимая кровное участіе въ родномъ и общемъ дѣлѣ, онъ далъ обѣтъ, помолиться усердно въ Православной Церкви, если утвердятъ наконецъ окончательно за войскомъ сѣнокосы на лѣвомъ берегу Урала, камышъ—самару съ Узенями и обеспечать угрожаемыя нашествіемъ Астраханцевъ войсковыя морскія воды.

Такъ выросъ, такъ жилъ и такъ состарѣлся Проклятовъ, по крайней—мѣрѣ сталъ сѣдѣть, хотя ему было не съ большимъ 50 лѣтъ, потому что написанъ изъ малолѣтныхъ въ казаки по 18—му году, дослуживаль нынѣ 34—й годъ службы и, надѣясь на милость начальства, собирался въ отставные.

Онъ былъ много лѣтъ *Линейнымъ*, вышелъ потомъ и въ *Градскіе* казаки, тамъ опять попалъ въ линейныя въ морскую

сотню. Въ *Гражданскіе* или *Городовые*^(*) онъ идти самъ нехотѣлъ, покуда силы есть и деньги нужны; но теперь уже поговаривалъ: «пора уважить старику, послужилъ Государю своему довольно и поставилъ за себя двухъ казаковъ, Вакха и Евпла.» Сыновья его получили малоизвѣстныя имена эти по заведенному на Уралъ порядку, родившись за седьмицу до дня празднованія церковью памяти сихъ святыхъ. Отъ этого обычая тамъ не отступаютъ и Уральское войско представляетъ въ этомъ отношеніи полныя церковныя, до-никоновскіе святы. Спросите любова Уральского казака, какъ его зовутъ, и вы рѣдко услышите употребительное между нами имя. Но если хотите знать прозваніе казака и хотите, чтобы онъ понялъ вопросъ вашъ, то спросите его: *чей ты*, или *чьи вы?* или даже пожалуй: чей ты прозываешься. На вопросъ *чей?* казакъ отвѣтить: *Карповъ*,

^(*) *Градскими* казаками называются всѣ служилые казаки, выставляющіе отъ себя требуемые полки и команды на службу; *Линейными* тѣ, которые по наемкѣ или по мірскимъ подможнымъ деньгамъ, получаемымъ съ градскихъ ежегодно охраняютъ линію; *Гражданскими* казаки называютъ особое отдѣленіе малоспособныхъ и дряхлыхъ служилыхъ казаковъ, выставляющихъ людей только въ городовыя команды и вообще на службу внутреннюю.

Донсковъ, Харчовъ, Гавриловъ, Мальгинъ, Казаргинъ, и вы изъ окончанія видите, что это прямой отвѣтъ на вашъ вопросъ. Вы спрашиваете чей, т. е. изъ какой, изъ чьей семьи? онъ отвѣчаетъ: Донскова или сокращено Донсковъ, Мальгина или Мальгинъ, и проч. Въ Сибири спрашиваютъ вмѣсто этого: *чъихъ вы?* и отъ этого вопроса произошли прозванія: *Кривыхъ*, *Нагихъ*, *Ильиныхъ*, и проч.

Надобно вамъ еще сказать, что Маркіана Проклятова, какъ и всѣхъ земляковъ его, можно узнать по—говору, онъ только слово вымолвить, и сказать ему положительно: ты Уральскій казакъ. Также легко узнать по—говору хозяйку его Харитину и дочерей Минодору и Глиkerію, хотя въ говорѣ, въ произношеніи казаковъ и родительницъ ихъ нѣть ничего общаго. Казакъ говорить рѣзко, бойко, отрывисто; отмѣчаетъ языкомъ каждую согласную букву, налегаетъ на *r*, на *s*, на *t*, гласныя буквы, напротивъ, скрадываетъ: вы не услышите у него ни чистаго *a*, ни *o*, ни *y*. Родительницы, напротивъ, живучи

особнякомъ въ тѣсномъ кругу своеи, вѣчно дома, всѣ безъ изъятія перенимаютъ другъ у друга шепелявить и произносить букву лъ мягче обыкновенаго. Онъ ходять гулять и веселиться на *синчикъ* въ *сё льковой субенкѣ*, а синчикъ называется у нихъ первоосенній ледъ, до пороши, по которому можно скользить въ нарядныхъ башмачкахъ и выставлять впередъ ножку, кричать, шумѣть и хохотать. Послѣднее, по строгому чину домашняго воспитанія, имъ рѣдко удается. Упомянемъ здѣсь еще, возвращаясь къ семейству Маркіана, что старшую дочь свою, Ксенію, старики отдалъ уже за—мужъ, а приданаго не далъ, по тамошнему обычаю ни гроша; обѣ этомъ и рѣчи не бываетъ: женихъ, напротивъ долженъ по договору справить невѣстѣ *сороку*, головной женскій уборъ, замѣняющій со времени замужества, въ праздничные дни, дѣвичью *поднizъ*. Есть сороки на Уралѣ въ 10 и 15 тысячъ. Тамъ дѣвки всѣ безприданницы, и обычай этотъ конечно ведется съ—тѣхъ—поръ, какъ ихъ

было еще мало, а холостежи казачьей набиралось много.

И такъ Маркіанъ Проклятовъ дослуживаль 34-й годъ службы и глядѣль, хоть еще и крѣпокъ быль, въ отставные; да не выпускали, велѣли послужить еще съ годъ, а тамъ обѣщали начать забирать справки. Между-тѣмъ, потребовали съ Уралу полкъ въ Турецкую войну. Вышелъ на базарную площадь въ Уральскъ экзекуторъ войсковой канцеляріи, прежде дѣлывалъ это войсковой Есауль, прочиталь всухъ казакамъ, которые собрались въ кружокъ и слушали, снявъ шапки, что: «велено-де поставить полкъ къ такому-то числу, приходится пяти служивымъ казакамъ поставить одного; сборное мѣсто городъ Уральскъ.» Прочель, и пошелъ домой; только и заботъ войсковому начальству, а полкъ къ сроку будетъ.

Заложилась наемка, какъ говорять казаки, или установилась цѣна, подможныхъ мірскихъ денегъ, по 800 рублей. Проклятову не-гдѣ взять двухъ-сотъ рублей на свою долю, надо

идти служить самому. Дай—пойду, говорить, возьму еще разъ деньжонки, авось въ послѣдній самъ соберусь и своихъ надѣлю и послужу на—послѣдяхъ Великому Государю.

Пошелъ, запѣль опять пѣсни, обзавелся трубкой, добыль на походъ чубараго коня, оба уха и ноздри пороты, и рѣдкой прыти. Полкъ пробылъ два года въ Турціи, тутъ еще позадержали въ Польшѣ слишкомъ годъ, наконецъ спустили; пошли домой, на Уралъ. Выбыло изъ полка однако—же человѣкъ полтараста.

Большой быль праздникъ въ Уральскѣ, когда вступилъ туда съ пѣснями 4—й полкъ. Родительницы выѣхали на встрѣчу изъ всѣхъ низовыхъ станицъ, усѣяли всю дорогу отъ города верстъ на десять; вынесли узелки, узелочки, мѣшечки, стекляницы, штофчики, сулейки, все, вишь, жалѣючи своихъ, думаютъ голодные прійдутъ, такъ напоить и покормить. Стоить старуха въ синемъ кумачномъ сарафанѣ повязанная чернымъ китайчатымъ платкомъ, держитъ въ рукахъ узелокъ и

бутылочку, кланяется низехонько, спрашиваетъ: «Проклятовъ, родные мои, гдѣ Маркіанъ?» не слыхать голосу ея изъ за пѣсенниковъ, подходитъ она ближе, достаетъ рукой казака: «гдѣ Проклятовъ?» Сзади матушка, сзади. Идетъ вторая сотня, спрашиваетъ старуха: «гдѣ—же Маркіанъ Елисеевичъ Проклятовъ, спаси васъ Христосъ и помилуй, гдѣ Проклятовъ?» Сзади, говорять. Идетъ третія сотня — тотъ же привѣтъ, тотъ же отвѣтъ. Идетъ и послѣдняя сотня, прошелъ и послѣдній взводъ послѣдней сотни, а всѣ казаки говорятъ ей, кивнувъ головою назадъ: «сзади матушка, сзади.» Когда прошелъ и обозъ и всѣ отвѣчали *сзади*, то Харитина догадалась и поняла въ чемъ дѣло — ударилась объ земь и завопила страшнымъ голосомъ. Казаки увѣли ее домой, а Маркіана своего она уже болѣе не видала.

В. ДАЛЬ